

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

П.В. Левитов

Несколько слов о положении Нравственного Богословия в духовных семинариях

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1908. № 11. С. 1502-1507.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

Нѣсколько словъ о положеніи Нравственнаго Бого- словія въ духовныхъ семинаріяхъ.

ВЪ НАСТОЯЩЕЕ время Нравственному Богословію удѣляется только два урока въ недѣлю въ теченіе одного года. Фактъ этотъ представляется намъ въ высшей степени страннымъ, прямо поразительнымъ. Онъ можетъ не останавливать на себѣ нашего вниманія лишь вслѣдствіе привычки къ тѣмъ ненормальностямъ, которыми полна какъ учебная, такъ и воспитательная сторона въ жизни современной русской школы.

Семинарія — спеціально богословское учебное заведеніе, имѣющее свою задачу подготовленіе пастырей церкви, учителей вѣры и жизни. Благооткровенность христіанской истины есть та основная предпосылка, которая составляетъ краеугольный камень семинарскаго образованія. И тѣмъ не менѣе, воспитанники средней духовной школы несравнимо болѣе времени посвящаютъ изученію мертвыхъ языковъ, чѣмъ евангельской морали. На 40 уроковъ греческаго и латинскаго діалекта приходится только два урока нравственнаго богословія! Выходитъ какъ будто, что склоненія и спряженія давно отжившихъ народовъ, всевозможные аттракціи, герундивы и супины важнѣе христіанской этики, перевернувшей міръ и давшей новое направленіе всей человѣческой жизни.

По моему глубокому и искреннему убѣжденію, если бы сейчасъ, какъ дважды два—четыре, было доказано, что христіанство—естественная религія, евангеліе все жъ не потеряло бы своей цѣнности и осталось бы книгой, заключающей въ себѣ богатѣйшія сокровища мудрости, книгой, изъ которой

человѣчество вѣчно могло бы черпать воду живую. Относительно морали христіанской именно такъ и думаетъ большинство мыслителей. За немногими исключениями, всѣ они признають необыкновенную высоту и чистоту евангельскаго нравоученія. Огромное вліяніе, оказанное нравственными идеями христіанства на улучшение и смягченіе нравовъ, также составляетъ общепризнанный историческій фактъ.

Прямой выводъ отсюда тотъ, что въ атеистической школѣ и то было бы вполне естественно болѣе времени посвящать знакомству молодыхъ людей съ евангельской этикой, чѣмъ со всевозможными тонкостями греческой и латинской грамматики. Тѣмъ болѣе нужно сказать это о христіанской, хотя бы и свѣтской школѣ. Что же касается семинаріи, этого специально-богословскаго учебнаго заведенія, стоящаго на почвѣ абсолютнаго убѣжденія въ богодухновенности каждаго слова бібліи и воспитывающаго лицъ, которыя при свѣтѣ евангельскихъ идеаловъ должны другими руководить въ жизни, то въ ней замѣчаемое теперь пренебрежительное отношеніе къ христіанской морали является грѣхомъ и противъ природы человѣка и противъ Духа Святаго.

Неизвѣстно почему, въ современной духовной школѣ значительно большее вниманіе удѣляется теоретической сторонѣ религіи—вѣроученію. Уроковъ по Догматическому Богословію въ три раза больше, чѣмъ по Нравственному, именно шесть. А между тѣмъ скорѣе слѣдовало бы сдѣлать наоборотъ. На изученіе христіанской морали должно быть назначено больше времени, чѣмъ на изученіе догмы, по слѣдующимъ причинамъ:

1) Нравственныя истины стоятъ ближе къ жизни, чѣмъ истины теоретическія. Я далекъ отъ мысли, чтобы догматы христіанской религіи не имѣли никакой связи съ ея моралью и носили исключительно книжный, отвлеченный характеръ. Но все же нельзя отрицать, что они не имѣютъ такого *непосредственнаго* отношенія къ практической дѣятельности человѣка, какъ истины нравственныя. Именно этическія проблемы являются въ настоящее время наиболѣе острыми, жгучими и живыми. Ни интеллигенція, ни простой народъ не интересуются вопросами о соединеніи естество и волей во Христѣ, о причинахъ паденія ангеловъ, объ отношеніи между ипостасями Св. Троицы. Почти невозможно себѣ представить, чтобы гдѣ-нибудь кружокъ не только свѣтской интеллигенціи, но

даже и богослововъ, горячо занимался обсужденіемъ подобныхъ предметовъ. Напротивъ, вопросы о томъ, что дѣлать и какъ жить, гдѣ искать цѣлей и смысла жизни, какъ поступать въ томъ или иномъ случаѣ, волнуютъ и занимаютъ всѣхъ. Что такое добро и зло, какими правилами слѣдуетъ руководствоваться при столкновеніи обязанностей, въ какой степени позволительны тѣ или иныя удовольствія, какъ бороться со страстью и похотью, въ какой мѣрѣ слѣдуетъ давать свободу плоти, какъ нужно относиться къ ближнимъ различныхъ положеній и состояній: равнымъ, высшимъ и низшимъ, каковы должны быть социальныя отношенія людей съ христіанской точки зрѣнія,—все это приходитъ на умъ каждому мыслящему человѣку. За разрѣшеніемъ всѣхъ этихъ недоумѣній для лица свѣтскаго естественнѣе всего обратиться къ священнику, учителю и руководителю жизни. Но, чтобы дать отвѣтъ всякому вопрошающему, пастырь церкви долженъ быть, какъ говорятъ, въ курсѣ дѣла, долженъ умѣть ориентироваться въ моральной области и, такимъ образомъ, имѣть возможность удовлетворить интеллигентнаго собесѣдника. Въ настоящее время, находясь въ подобныхъ обстоятельствахъ, священникъ не всегда можетъ оказаться на высотѣ своего положенія. Семинарія болѣе приучаетъ его разрѣшать чисто теоретическіе вопросы, такіе, которые поднимаются только въ классѣ, и не существуютъ для живой мысли живыхъ людей. При столкновеніи съ жизненными религіозно-нравственными проблемами онъ часто становится въ тупикъ и обнаруживаетъ жалкую растерянность, подрывающую его авторитетъ.

2) Догматы вѣры, какъ истины непостижимыя, относящіяся къ премірному Божественному Существому, не могутъ давать такъ много матеріала для изслѣдованія и изученія, какъ истины нравственныя. Въ области христіанскаго вѣроученія, въ силу свойствъ самого предмета, для дѣятельности мысли и разума остается сравнительно мало мѣста. Религіозныя догматы можно принимать на вѣру, уясняя ихъ смыслъ и взаимоотношеніе. Если бы изъ существующихъ теперь системъ Догматическаго Богословія выкинуть двѣ трети текстовъ и цитатъ изъ свято-отеческой литературы (что можно было бы сдѣлать безъ всякаго ущерба для дѣла, такъ какъ вѣрующій въ авторитетъ св. писанія не нуждается во множествѣ библейскихъ свидѣтельствъ въ пользу той или другой истины: для него вполне достаточно одного, а невѣрующаго не убѣдятъ и сотни тек-

ство). то и изучить ихъ можно было бы въ болѣе короткое время, съ меньшей затратой труда и энергіи. Напротивъ, христіанское нравоученіе можетъ быть уясняемо до безконечности путемъ, главнымъ образомъ, сопоставленія его съ данными человѣческаго сознанія. Въ какомъ отношеніи находятся евангельскія нормы жизни къ основнымъ постулатамъ человѣческой природы, какое вліяніе оказываютъ онѣ на нашу душу, какъ примѣнить общіе нравственные принципы къ различнымъ частнымъ случаямъ жизни,—рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ можетъ совершаться лишь на общенаучной и антропологической почвѣ. И это тѣмъ болѣе, что проблемы морали доселѣ еще не разработаны церковью и не получили въ ней точной формулировки. Въ эпоху вселенскихъ соборовъ, когда раскрывались основы христіанской вѣры, главное вниманіе отцовъ и учителей церкви было обращено на рѣшеніе догматическихъ вопросовъ. Въ то время какъ по каждому изъ послѣднихъ существуетъ опредѣленное церковное ученіе, по многимъ вопросамъ христіанской нравственности могутъ быть составляемы лишь частныя богословскія мнѣнія. Ни въ одной символической книгѣ православной церкви нельзя найти *прямого* указанія на то, что составляетъ психологическое содержаніе, объективную цѣль и метафизическую основу нравственности, каковы условія вмѣненія, возможны ли безразличныя дѣйствія, какой изъ формъ благотворительности слѣдуетъ отдать предпочтеніе общественной или частной, какъ смотрѣть на смертную казнь и войну, каково отношеніе христіанства къ социализму, къ различнымъ формамъ политико-экономической жизни, общественной и культуры. Рѣшать всѣ эти вопросы Нравственное Богословіе должно самостоятельно, непосредственно на основаніи Слова Божія. Но для успѣшнаго выполненія этой задачи, для того, чтобы сдѣлать изъ св. писанія правильные выводы въ приложеніи къ безконечно сложнымъ и переплетающимся нитямъ дѣйствительной моральной жизни, необходимо руководство общелогическихъ, психологическихъ и научныхъ соображеній. Всѣ антропологическія науки, проливая свѣтъ на тайны природы человѣка, освѣщаютъ намъ и пониманіе отношенія къ намъ нравственныхъ началъ и въ частности принципозъ этики христіанской.

Если бы отъ насъ зависѣла постановка учебнаго дѣла, мы начали бы изученіе христіанской нравственности съ приготовительнаго класса училища и продолжали бы его непрерывно

въ теченіе всего духовно-учебнаго курса, постепенно расширяя и углубляя содержаніе этого предмета, сообщая ему все болѣе и болѣе научный характеръ. Не такую мертвечину, какъ латынь (являющуюся тѣмъ же для дѣтскаго ума, что камень для желудка) и ей подобныя безжизненныя дисциплины, а многоцѣнный бисеръ евангелія всего естественнѣе положить въ основу обученія и воспитанія. Человѣкъ всю жизнь свою долженъ познавать, «что есть воля Божія благая и совершенная» и «како христіанину подобаетъ въ дому Божіемъ жити». Начало этого познанія слѣдуетъ положить въ раннемъ дѣтствѣ, когда природа человѣка еще не отвердѣла, отличается воспримчивостью, мягкостью, чуткостью ко всему прекрасному и доброму. Центральное положеніе христіанской этики въ системѣ общаго образованія сообщило бы этому послѣднему, а равнымъ образомъ и всей жизни молодыхъ людей, болѣе духовное, идеальное направленіе, предохраняя ихъ отъ увлеченія грубымъ реализмомъ, отъ матеріализаціи и пошлости интересовъ. Оно приучило бы ихъ болѣе всего цѣнить въ жизни «единое на потребу», ту драгоценную жемчужину, которая является лучшимъ украшеніемъ человѣка—царя природы,—его способность къ нравственной дѣятельности и предметъ ея—нравственное добро.

Но мы чувствуемъ, насколько мало осуществимъ нашъ проектъ въ настоящее время и при настоящихъ условіяхъ. Въ качествѣ минимума, не требующаго коренныхъ измѣненій въ программахъ духовно-учебныхъ заведеній, мы предложили бы, по крайней мѣрѣ, увеличить въ семинаріяхъ количество уроковъ по Нравственному Богословію до шести. Два изъ нихъ мы отнесли бы къ 4-ому, два къ 5-ому и два къ 6-ому классу. Въ четвертомъ классѣ слѣдовало бы ознакомить учениковъ съ общими началами нравственности, съ понятіями о нравственномъ добрѣ, законѣ, совѣсти и т. д. Это было бы тѣмъ болѣе умѣстно, 1) что въ семинаріи пѣтъ этики, какъ самостоятельной науки, 2) что многіе воспитанники, по окончаніи IV-го класса, уходятъ изъ духовной школы въ свѣтскую. Мнѣ кажется, желательность и даже необходимость для нихъ быть знакомыми съ основными началами нравственности вообще и христіанской въ частности, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. На преподаваніе нравственнаго богословія въ IV-омъ классѣ можно было бы найти время, отнявъ по одному часу отъ греческаго и латинскаго. Въ V-омъ классѣ стала бы

проходиться этика индивидуальная (частныя обязанности христіанина къ Богу, себѣ самому и другимъ людямъ) въ VI-омъ этика социальная (обязанности христіанина, какъ члена общества церковнаго и гражданскаго, и идеалы христіанской общественности). Эти два часа можно было бы отнять или отъ Догматическаго, или, еще лучше, отъ Пастырскаго Богословія. Послѣднее, по нашему мнѣнію, является въ семинаріи совершенно не нужнымъ. Не существуетъ и не можетъ существовать никакой спеціально пастырской нравственности. Священникъ въ своей жизни долженъ руководствоваться тѣми же нормами, которыя обязательны и для каждаго христіанина.

Въ заключеніе замѣтимъ, что преподаваніе Основнаго, Догматическаго и Нравственнаго богословія однимъ наставникомъ заключаетъ въ себѣ значительныя неудобства. Каждый изъ этихъ предметовъ настолько серьезенъ, требуетъ такой усиленной подготовки и такой освѣдомленности въ различныхъ областяхъ знаній (особенно нужно сказать это о Богословіи Основномъ), что сосредоточеніе ихъ въ одномъ лицѣ не можетъ не сопровождаться ущербомъ для научности, глубины и основательности изученія данныхъ дисциплинъ. Въ виду этого было бы весьма полезно для дѣла раздѣлить преподаваніе Основнаго Догматическаго и Нравственнаго богословія между двумя наставниками, поручивъ: или одному Основное богословіе, другому Нравственное и Догматическое, или: одному Нравственное, другому Догматическое и Основное.

Павель Левитовъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки